

Изъ Іова:

«...Духъ прошелъ надо мной и дыбомъ стали волоса на мнѣ.

«И онъ сталъ, но я не распознавалъ вида его, только обликъ былъ передъ глазами моими; тихое вѣяніе — и я слышу голосъ»...

Это былъ могучій и мрачный духъ, похожій на огромный клубъ черного дыма, на лохматую грозовую тучу, изъ которой гнѣвные глаза порой змѣили быстрыя молніи и тогда короткія судороги искажали прекрасныя черты генія зла. Казалось, онъ откололся отъ скалы, на которой томился въ «Прологъ» и страннымъ, причудливымъ ваяніемъ вошелъ въ пеструю восточную сказку, что разыгрывалась на сценѣ...

Шаляпинъ—Демонъ.

Онъ загримировался «по Врубелю», но дальше рисунка подражаніе не пошло. Воплощеніе было свое собственное, шаляпинское. Онъ не нарисовалъ Демона, а словно вылѣпилъ, изваялъ его. Это была скульптура à la Родэнъ. Грубая и нѣжная, хаотическая и законченная. Лермонтовъ и Рубинштейнъ, поэма и опера какъ-то наново соединились въ немъ. Шаляпинъ далъ музыкальную поэму и разыгралъ ее трагически. Онъ оставилъ избитые приемы на пользованіе опернымъ посредственностямъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ могъ интересовать его традиціонный «Демонъ», какъ художественная задача? Рыхлые отечественные баритоны и красивые итальянскіе кумиры и до него великолѣпно справлялись съ этою партіей. Съ подтянутымъ брюшкомъ, съ подведенными глазами, съ усами или безъ усовъ, а иногда и съ заклиненной бородкой, съ громадными крыльями и чуть ли не въ кавалерійскихъ доспѣхахъ сладко пѣли они, прижимая руки къ сердцу и увлекая Тамару на соблазнительный «пассажъ». И меломанствующіе старички и старушки были въ восторгѣ, каждый поручикъ ощущалъ у себя за спиной демоническія крылья и каждая дѣвица мысленно называла себя Тамарой.

И когда Шаляпинъ тяжело шагнулъ въ этотъ заповѣдный мірокъ армейскаго байронизма и задушевнаго романа, казалось свѣжій сѣверный вихрь влетѣлъ въ душную комнату и дрожью пробралъ тепленькія обывательскія чувства. Но онъ пришелъ туда лишь затѣмъ, чтобы взять поэму. «Тебѣ отъ твоихъ» — это было такъ. Въ его замыслѣ затверженные стихи снова получили значеніе поэтическаго откровенія и только опера связывала его: басъ долженъ былъ улечься въ партію баритона и трагикъ — пѣть романсы. Но не шаблоны рубинштейновской партитуры, въ родѣ «Не плачь, дитя», которымъ принято аплодировать, а то истинно-музыкальное наплывіе звуковъ, капризные волны мелодіи, какъ «На воздушномъ океанѣ» выдвигались имъ на первый планъ. Его басъ баюкалъ и укрывалъ Тамару и словно качалъ большую колыбель. Онъ повторилъ эту арію, перемѣнивъ позу, но не выйдя изъ настроенія лунной баллады. Трагедія вполне реально разыгралась въ послѣднемъ дѣйствіи. Неизмѣримой скорбью отозвался стонъ: «Опять одинъ!» Отчаяніе черного ангела было такъ велико, что фантастическій сатанизмъ от-

ступилъ передъ горечью человѣческаго чувства.

Слова изъ книги Іова, пришли мнѣ на память, когда дымный призракъ Демона за клубился на сценѣ. Онъ былъ высокъ, строенъ и смуглъ лицомъ. Ночь таилась въ черной гривѣ его спутанныхъ волосъ. Ключья одежды, вялые и легкіе, походили на бумажный пенелъ. Что-то чешуйчатое просвѣчивало межъ развѣвавшихся языковъ тряпья. У него не было крыльевъ и одна газета сострила «не растаяли ли, молъ, они при паденіи, какъ у древне-греческаго Икара», но весь замыселъ Шаляпина былъ далекъ отъ обыденщины. Затѣмъ крылья духу, который какъ туча могъ переноситься съ мѣста на мѣсто, исчезать во мракѣ? Я говорю, что это было громадное, самобытное ваяніе. Его искусство — пластично. Однѣ руки, голыя до самыхъ плечъ, съ могучей мускулатурой, замѣняютъ артисту все. Онѣ у него и крылья, и древесныя корни, и щупальцы спрута. Иногда онъ говоритъ ими то, чего не можетъ выразить ни голосомъ, ни лицомъ. Напримѣръ въ послѣднемъ дѣйствіи на вопросъ колеблющейся Тамары: «А Богъ?», Шаляпинъ-Демонъ съ фразой «Онъ занятъ небомъ, не землей!» отбросилъ руки въ сторону, потомъ что-то сдѣлалъ, словно взялъ сильный акордъ или оборвалъ струны, и это было именно то, что здѣсь слѣдовало сдѣлать. И весь такой неожиданный, весь въ намеки, въ неопредѣленномъ Шаляпинъ давалъ дѣйствительно нѣчто демоническое, при видѣ чего въ самомъ дѣлѣ какъ у библейскаго пророка «могли встать волосы».

Талантъ его показалъ образъ существа стихійнаго. Онъ вернулъ поэмѣ все значеніе ея замысла. Не смазливый красавчикомъ въ кирасѣ, не сластолюбивымъ соблазнителемъ животрепещущихъ Тамаръ, какими были прежніе Демоны, явился Шаляпинъ, но нелѣпо-прекраснымъ по облику исчадьемъ тьмы, воплощеннымъ проклятіемъ и вѣчнымъ изгнанныкомъ. Едва освѣтилъ короткую встрѣчу Демона съ Тамарой этотъ удивительный артистъ и леденящей тоской одиночества заключилъ трагедію демонизма. Не было ни любовныхъ свиданій опернаго пошиба, ни раздирающихъ сценъ отчаянія, но какая-то лунная фантазія, но глубокое сосредоточіе чувства, пластическое изображеніе отрицанія... И явленіе народу большого таланта.

Ноб. 13р. 3 янв.

Юр. Вѣляевъ.

Новое время. Петерб. 1906. 3 января